

СОДЕРЖАНИЕ

Явление Господа Аврааму *Иером. Роман (Кропотов)*..... 2

Преподобне отче наш Пафнутие *Иером. Роман (Кропотов)*... 4

Я почувствовала себя птицей 7

Признание *Прот. Артемий Владимиров* 8

Пингвины северных и южных морей *Павел Квартальнов*.... 10

Он родом из детства *Клавдия Фомичёва*..... 14

Одинок ли Иван? *Галина Литвинцева*..... 22

Первое испытание *Н.Г. Гарин-Михайловский* 26

Елена-Робинзон *Э.Гранстрем*..... 30

Сибирский патриарх *Галина Крупина* 33

Августовская элегия *Анна Бахаева* 36

**Подписка: каталог „Почта России“. Подписные индексы:
На год — 16665 на полгода — 99292**

„Кораблик.“ Детский журнал Рождества Богородицы Свято-Пафнутьева Боровского монастыря. №25(3)/2011
Главный редактор: иеромонах Роман (Кропотов)
Зам. главного редактора: Ирина Есинская
Вёрстка и макет: иеродиакон Савватий (Мочалов), послушник Александр Костырев, Маргарита Крупина, Мария Сыщук
Корректор: Татьяна Седова
Учредитель: Рождества Пресвятой Богородицы Свято-Пафнутьев Боровский мужской монастырь Калужской епархии Русской Православной Церкви (Московского Патриархата)

Периодичность выхода: раз в два месяца. Свидетельство о регистрации средств массовой информации в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия ПИ № ФС77-33785.

Адрес редакции: 249010, Калужская обл., г. Боровск, ул. Дмитрова, д. 1, Свято-Пафнутьев Боровский монастырь. Отпечатано в ООО "Поли-оф" г. Обнинск, ул. Шацкого, д. 1. Зак. №

Явление Господа Аврааму

Давным-давно, около двух тысяч лет до Рождества Христова, далеко на Востоке жил один праведник, которого звали Аврам. Он был младшим сыном Фарры, десятого патриарха после Ноя. Это был праведник великой веры и силы духа. В то время, как вокруг царило идолопоклонство, в которое уклонился и его отец, сам Аврам почитал только Единого Истинного Бога, предания о Котором передавались из уст в уста патриархами-долгожителями.

За это Господь возлюбил его и захотел отделить от среды неправедных. Господь сказал ему в откровении: «Выйди из земли твоей и из дома отца твоего и иди в землю, которую Я укажу тебе» (Быт.12:1).

Повинуясь велению Божию, Аврам вместе со своей женой Сарой и племянником Лотом вышел из Ура Халдейского, который был его родиной, и через Харран (город в северо-западной части Месопотамии) придя в землю Ханаанскую, поселился близ дубравы Море, в месте, на котором впоследствии вырастет Сихем, один из древних городов Ханаанской земли.

Здесь, на плодородных землях Ханаана, благосостояние Аврама и его племянника значительно увеличилось. Крупного и мелкого скота стало так много, что на обширных пастбищах им не стало

хватать места, отчего пастухи Аврама и Лота часто ссорились между собой. Чтобы сохранить мир со своим родственником, Аврам отпустил Лота от себя, а сам со своей женой Сарой пошёл к югу и поселился в богатой и красивой местности у дубравы Мамре, расположенной при одном из древнейших городов Ханаана — Хевроне.

Прошло много лет. Аврам состарился, ему было уже девяносто девять лет. За это время Господь несколько раз являлся ему и обещал, что от Аврама произойдёт бесчисленное потомство. Оно будет так же велико, как велико число звёзд на небе. «Посмотри на небо, — сказал ему однажды Господь, — и попробуй сосчитать звёзды. Если ты их сможешь счесть, то значит сможешь исчислить и потомство, которое произойдёт от тебя».

Но, несмотря на Божие обетование, Аврам до сих пор оставался бездетным, потому что его жена Сара была бесплодна. Чтобы ещё более укрепить Своих обетований, Господь изменил имена этой благословенной чете. Вместо Аврам (что значит «отец высоты, «высокий отец») Господь назвал его — Авраам (что значит «отец множества» или «отец многих народов»), а Сара (что значит «госпожа») получила имя — Сарра (что означает «княгиня» или «госпожа множества»).

Но самое знаменательное явление Господа Аврааму было у дубравы Мамре. Это случилось в один из жарких солнечных дней, которых очень много бывает на знойном Востоке. Скрываясь от палящих лучей солнца, патриарх Авраам отдыхал в тени своего шатра. Взгляд его был устремлён вдаль, где на бескрайних плодородных лугах паслись его бесчисленные стада. На какое-то время он опустил свой взор и погрузился в раздумье. Он размышлял об обетовании Божиим, которое так часто слышал в откровениях. Авраам нисколько не сомневался в непреложности Божиих слов, но он был уже почти столетним старцем, а детей всё ещё не было. И патриарх думал, как и когда оно должно исполниться.

Вдруг он увидел перед собой трёх

странников. Авраам настолько увлёкся размышлениями, что даже не заметил, когда они подошли. Надо сказать, праведный патриарх отличался большим страннолюбием и всегда уделял много внимания уставшим путникам. Быстро встав со своего седалища, Авраам подбежал к странникам и поклонился им до земли. Один из них выделялся ббльшим благородством и величием перед двумя другими. Авраам заметил это и, обратившись к Нему, сказал: «Государь мой, если я обрел благоволение перед очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего». Странники вняли его просьбам и согласились отдохнуть у него.

Таинственные гости расположились под сенью широкого дуба. Авраам первым делом позаботился о том, чтобы странникам омыли ноги. В знойных Восточных странах омовение ног путешественникам является обычным делом, так как доставляет большое облегчение уставшим на жаре путникам.

После этого гостеприимный патриарх распорядился приготовить для гостей мясо и испечь свежий хлеб. Когда всё было готово, он поставил это угощение перед ними, предложив ещё сыр и молоко. Во время трапезы Один из них вновь повторил пророчество, которое Авраам уже не слышал. Только на этот раз Господь указал и срок исполнения этого обетования: «Через год в это же время Я опять буду у тебя, и у твоей жены Сарры будет сын» (Быт.18:10).

Обетование Божие в точности исполнилось, и через год Сарра действительно родила сына. В тот момент, когда Господь сказал, что Сарра родит дитя, она засмеялась, потому что засомневалась, ибо была уже девяностолетней старушкой. Поэтому и имя новорожденному дали Исаак, что в переводе с еврейского означает «смех».

Блаженный Иероним свидетельствовал, что Мамрийский (или Мамврийский) дуб существовал еще до времени императора Констанция (то есть, примерно до половины IV века). Сейчас эта местность с остатками знаменитого дерева принадлежит Русской Иерусалимской миссии.

С тех давних пор прошло уже около четырёх тысяч лет, но благодаря иконописи, которую ещё называют «богословием в красках», мы до сих пор на иконе Ветхозаветной Троицы можем видеть за столом трёх таинственных

странников, пользующихся гостеприимством праведного Авраама.

В Новом Завете День Святой Троицы, или Пятидесятница, является одним из самых значимых для Церкви событий. В этот исторический день Святой Дух, о пришествии Которого говорил Своим ученикам Господь Иисус Христос, сошёл на апостолов и облёк их небывалой до того силой и властью. Из робких и нерешительных учеников, они превратились в несокрушимые столпы веры, в мужей, исполненных дерзновения. Будучи умудрены свыше, они заграждали уста врагов Божиих, иудеев и язычников, и творили великие чудеса. Сам Бог положил в этот день основание Своей Новозаветной Церкви и даровал нам несокрушимую надежду на спасение.

В этот торжественный день нам открывается непостижимая тайна Единого в Троице Бога, Отца и Сына и Святого Духа, Который, будучи источником святости и чистоты, прославляется верными только в чистых и непорочных сердцах.

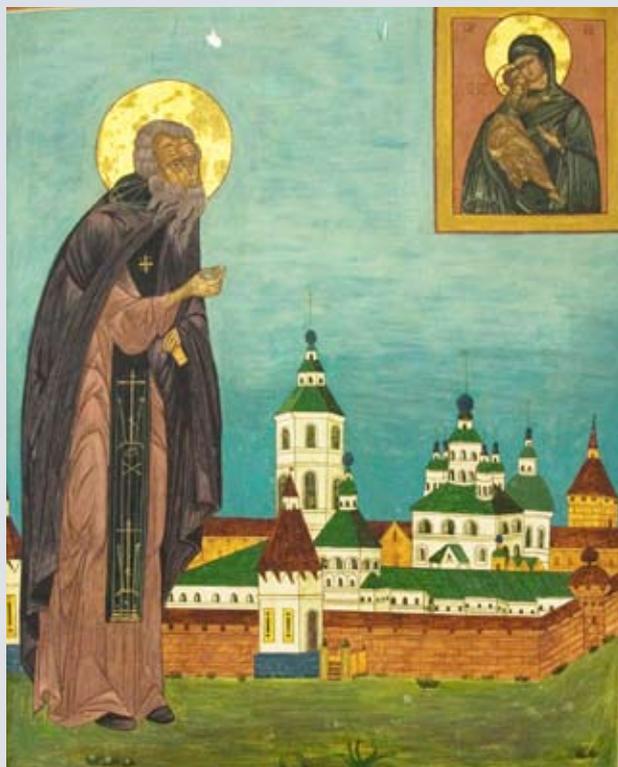
Иеромонах Роман (Кропотов)

Руины древнего города Харрана

Преподобне отче наш Пафну́тие, моли Бога о нас

сти — самую большую, кто-то решит заказать молебен, некоторые вспомнят об оформлении раки преподобного Пафнутия и попытаются украсить её дорогими и красивыми цветами, кто-нибудь решит, что самым лучшим и приятным для преподобного Пафнутия знаком внимания будет украшение его раки золотом и серебром.

Вариантов может быть и больше — все они хороши, но не говорят о главном, о том, что действительно порадовало бы нашего преподобного отца. О том, что по-настоящему радует духовных отцов, сказал почти 2000 лет назад апостол любви Иоанн Богослов: «Для меня нет большей радости, как слышать, что дети мои ходят в истине» (3 Иоан.1:4). Добродетельная жизнь, любовь к Богу и друг к другу — главное, чем мы можем порадовать основателя Боровской обители. Осознание того, что труды по созданию обители были не напрасны, а добродетельная жизнь насельников и паломников монастыря оправдывает возносимые о них молитвы, должно вселять большую радость в сердце святого человека, который всё переживает гораздо острее. Ибо, как говорил преподобный Силуан Афонский, «чем больше любви, тем больше страдания».

Мы называем отца Пафнутия преподобным. А кто-нибудь из вас задумывался, что означает это слово? Церковь разделяет святых по их жизненному подвигу и призванию на некоторые лики, или чины: апостолы, пророки, святители, мученики, преподобные, блаженные, праведные, страсотерпцы.

Апостолы — это посланники. Их призвал Господь для распространения благой Евангельской вести. Апостолы Христовы могли самостоятельно рукополагать не только дьяконов и священников, но и епископов. Те же, кто занимался мисси-

Летний зной, постепенно сменяющий весеннее тепло, каждый год напоминает братии Боровского монастыря о приближении дня памяти преподобного Пафнутия, основателя их обители. Этот дивный угодник Божий просиял в подвигах добродетели более пятисот лет назад. Предстоя перед Престолом Божиим в лике преподобных, он и по сей день не оставляет своей обители. И мы, его чада, не должны забывать о своём непрестанном молитвеннике пред Богом, чтить его подобающим образом.

Но как бы вы, дорогие читатели, предложили почитать память преподобного Пафнутия? Ответы, наверно, будут самые разные: кто-нибудь скажет, что надо поставить ему свечку, по возможно-

онерством в последующее время, назывались равноапостольными, то есть по чести и призванию равные апостолам.

Пророки — это люди, которыми Господь самым очевидным образом открывал Свою волю. Они буквально разговаривали с Богом. В Священном Писании постоянно говорится: «И было слово Господне ко мне...» (Иер.1:11), «И сказал мне Господь...» (Иез.44:2), «Издали явился мне Господь и сказал...» (Иер.31:3). И чаще всего это касалось будущего. А простые люди весть о будущем, то есть о том, чего ещё не было, называют пророчеством. Поэтому и человек, произносящий пророчество, имену-

ется пророком.

Святителями называют людей, которые достигли святости в архиерейском сане. Как будто про них сказал Христос: «Так да светит свет ваш пред людьми» (Матф.5:16). Занимающие высшее положение в священной иерархии, святители как бы поставлены на подсвечник, чтобы светить примером своей добродетельной жизни.

Те, кто до конца претерпевал страдания (мучения) за Христа, получили наименование мучеников. Слово «мученик» в переводе означает свидетель. Их свидетельство о верности Единому Истинному Богу было настолько непоколебимо, что никакие мучения не могли отлучить их от любви Христовой (Рим.8:39). За всю историю Церкви мучеников было очень много. Это, наверно, самая большая категория святых. Бывало, что христиан за раз убивали десятками тысяч. Языческий император Максимиан в 302 году, в канун Пасхи, сжёг в Никомидийском храме сразу двадцать тысяч христиан. Однако Церковь из-за этого не только не уменьшалась, но, напротив, ещё более возрастала. Кровь святых мучеников была тем живительным семенем, которое давало новую жизнь. Например, страдания свя-

Фрагмент фрески Дионисия

той великомученицы Екатерины привели к истинной вере более двухсот пятидесяти человек. Те же, которые достойно претерпевали страдания не ради Христа, а по людской зависти, именуются страстотерпцами.

Некоторые подвижники нарочно притворялись неразумными, за что терпели в свой адрес много насмешек и издевательств. Этих святых называют блаженными. По слову апостола Павла, они сознательно отвергли мудрость этого века и избрали безумство ради Христа (1 Кор.4:10). Поэтому их называют юродивыми (безумными) Христа ради. Юродство — это один из самых тяжёлых подвигов, поэтому юродивых было всего несколько десятков человек.

Люди, которые, живя в миру, угождали Богу, называются праведными. Некоторые из них создавали семьи, растили детей и честно трудились, другие жили одиноко. Но было у них нечто общее: несомненная вера, горячая молитва и любовь к Богу и ближним. Благодаря их жизненному опыту, мы знаем, что спасение возможно и в миру. Угодить Богу можно в любом месте, было бы желание.

Достигавших святости в монашеском образе именуют преподобными. Преподобными они названы за то, что в добровольных

подвигах покорили плоть духу, то есть вернулись в первоначальное святое состояние и стали подобны (преподобны) Христу как совершенному Человеку. Призыв к преподобию прозвучал ещё на заре христианства из уст апостола Павла: «Подобны мне бывайте, как и я Христу» (1 Кор.4:16,11:1).

С тех пор стремление к преподобию никогда не оставляло человека. Каждый век просиял своими преподобными. И каждый из них внёс свой бесценный вклад в духовно-нравственное преображение народа. Преподобный Пафнутий также оставил потомству бесценное духовное наследие — свою обитель и своих преподобных учеников, которые, как путеводные звёзды, указывают путь в Царство Небесное всем ищущим спасения.

Иеромонах Роман (Кропотов)

Я почувствовала себя птицей!

Меня зовут Кристина. Поездка в Боровск наполнила мою душу самыми искренними, тёплыми и нежными чувствами. Прошло только два дня с тех пор, как мы с одноклассницами посетили этот древний город Калужской земли, но мне уже вновь захотелось вернуться туда, как будто я давно там не была.

Мне очень понравилось, как мы провели время в монастыре, начиная с тёплой погоды, встречи с нашими новыми друзьями: Сергеем, Олей, Яной, Ириной Борисовной — и заканчивая посещением чудесного источника. Время в этот день пролетело так быстро! Самое яркое впечатление — это посещение Свято-Пафнутиева монастыря. Мне вспоминается вид с монастырской колокольни. Сама колокольня очень просторная и одновременно уютная. Вокруг нее летали птицы, много птиц — как будто там они нашли покой и защиту. Я впервые была на настоящей колокольне и почувствовала себя, даже без крыльев, вольной, свободной и лёгкой птицей. Это было незабываемое чувство настоящего полёта. С колокольни были видны поля, луга, дома и, самое главное, множество храмов. Я хочу рассказать о том удивительном душевном подъёме, который я испытывала каждый раз, когда мы заходили в храмы. Я никогда раньше

не ощущала такого. Представьте, это было невероятно: шло время, но я его не замечала, мне казалось, что всего два часа мы здесь и впереди ещё много времени, но день прошёл так незаметно... Я хочу поблагодарить организаторов нашей поездки и посоветовать тем, кто ещё не был в Боровске, обязательно посетить его церкви и часовни. Уверена, что вам понравится дивное душевное ощущение, какое было у меня: ты не следишь за временем, тебя не волнует то, что происходит снаружи. Все проблемы и ежедневные трудности отступают куда-то на задний план. Какое-то время вы не будете думать ни о чём, особенно о заботах и распорядке жизни. Ваша душа обретает покой и радость, и вы чётко слышите, как бьётся ваше сердце. Хочется помогать тем, кто рядом, хочется любоваться простором и деревенскими домашними животными... Постарайтесь посетить эти чудесные места!

*Ученица Центра Образования
№ 556 г. Москвы*

диалог состоялся. В полной темноте с Митиной кровати послышалось столь трогательное, сколь и неожиданное признание:

— Тё-ма!

— Что?

— Я тебя люблю!

Мне не понадобилось много времени на ответ:

— Ми-тя!

— Что?

— А я тебя очень люблю...

Через пять секунд разговор продолжился:

— Тёма, а я тебя очень, очень люблю...

— А я тебя очень, очень, очень люблю...

— А я тебя очень, очень, очень, очень люблю...

Неизвестно, сколько бы времени длилось это трогательное состязание в любви (требовавшее определенных арифметических способностей ... и цепкой памяти), как вдруг наши признания были прерваны нарочито строгим голосом подошедшей к двери тётушки Сусанны:

— Это что такое? Кто здесь не спит, да ещё и разгова-а-а-ривает? Вот как придёт сейчас злой старик с мешком за плечами, кого ему отдадим?

В наступившей гробовой тишине послышался тоненький голосок из-под одеяла, которым я полностью, с головой, укрылся, едва лишь тётушка приблизилась к детской комнате:

— Ми-и-и-и-теньку...

Этот детский удивительный разговор и столь красноречивый финальный ответ вошёл в нашу устную семейную летопись...

Нужно, нужно говорить о любви, без этого человеческое общение скудеет и обесцвечивается; но как важно, по свидетельству Апостола Иоанна Богослова, любить не словом или языком, но делом и истиною*.

Прот. Артемий Владимиров

* 1 Посл. Иоанна 3,18

ПИНГВИНЫ СЕВЕРНЫХ И ЮЖНЫХ МОРЕЙ

Холодным ноябрьским днём к служебному входу в Московский зоопарк подошёл человек с картонной коробкой в руках. Посетитель поведал работникам зоопарка, что на оживлённой улице в центре столицы он поймал пингвина. В коробке и в самом деле находилось существо строгой чёрно-белой окраски, с маленькими крыльями, одетое в жёсткие перья водоплавающей птицы. В зоопарке быстро определили нежданного гостя. Он оказался люриком — маленькой (размером с галку) птицей, относящейся к отряду чистиков. Определить-то гостя определили, но вот как он оказался в людном городе, на расстоянии многих километров от ближайших морей, осталось загадкой. Люрики гнездятся колониями на островах Ледовитого океана и по доброй воле от моря далеко не улетают: им просто нечего есть на суше, на реках и озёрах, ведь кормом им служат рачки, обитающие в толще морской воды. Вероятно, люрик сбился с пути, когда летел на юг в поисках открытой воды, спасаясь от наступающих льдов.

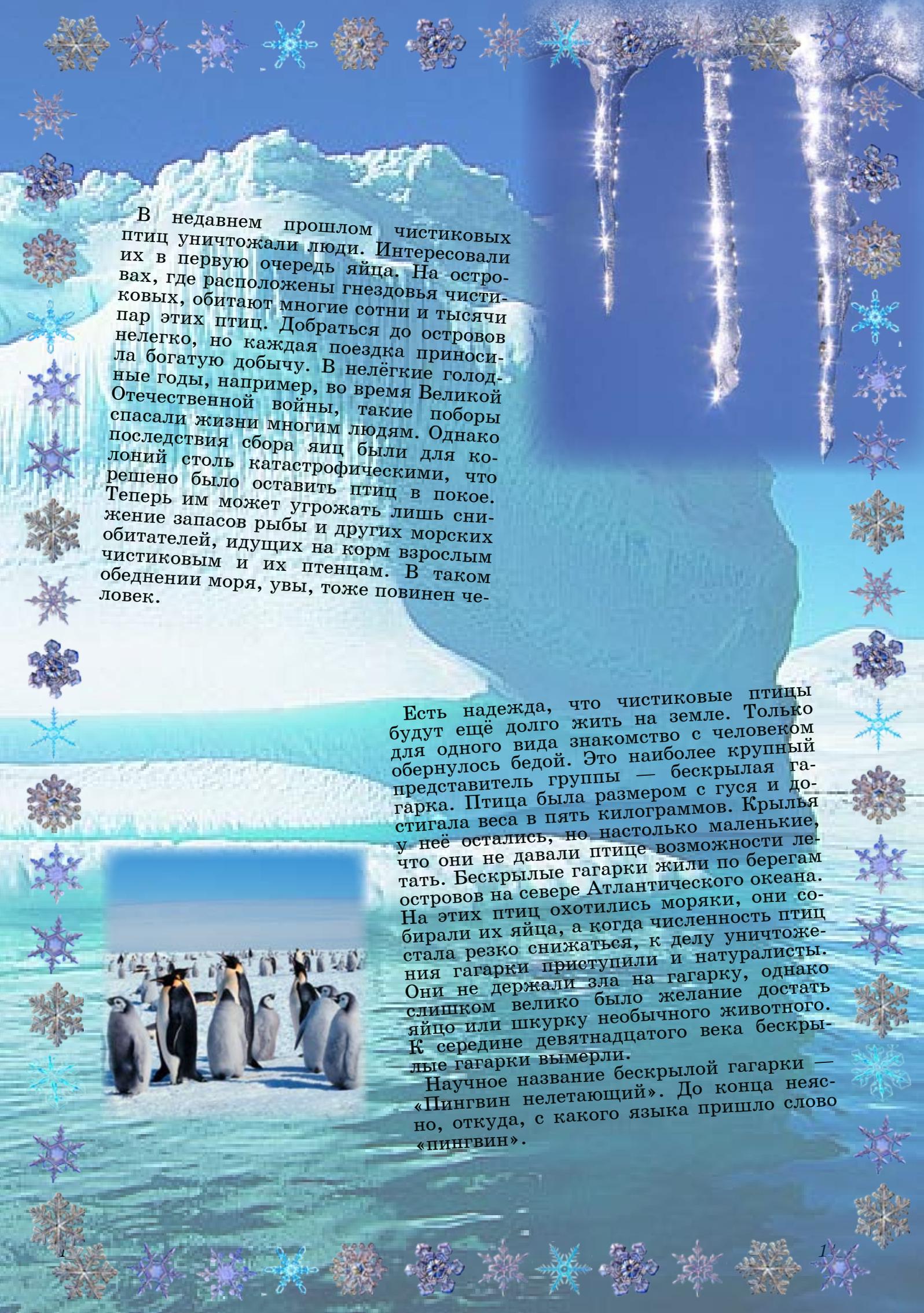
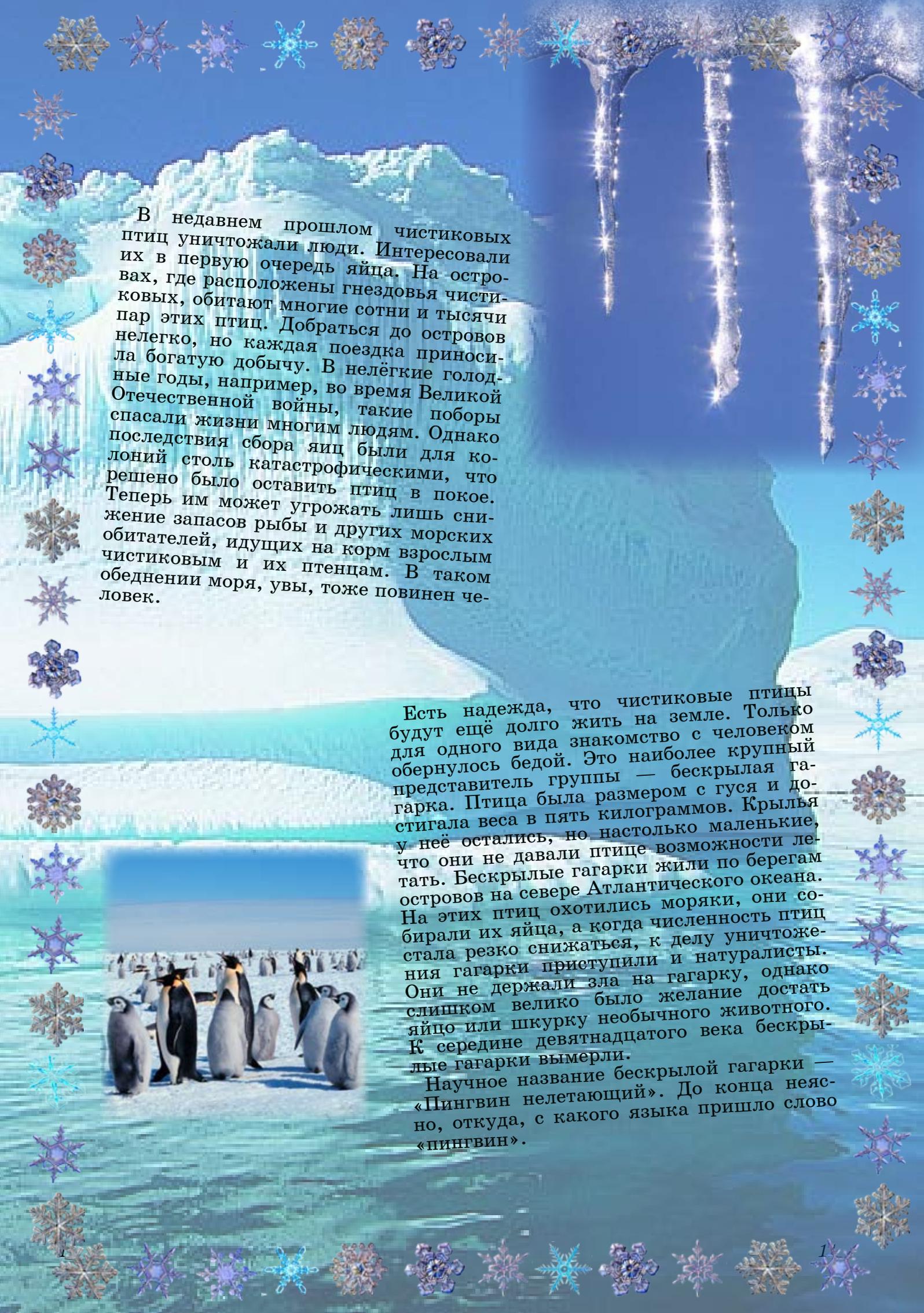
Чистик

Чистики похожи на пингвинов, и не только внешне. Эти птицы, большинство из которых одеты в такой же фрачный костюм, что и обитатели Антарктиды, живут по берегам северных морей (в России, Европе, Америке и в Японии). На суше вдали от побережья их можно увидеть крайне редко. Не залегают чистиковые птицы и в южные моря. Там они просто не могут найти себе пропитание: тёплые воды бедны рыбой и рачками. Чистики, люрики, гагарки, кайры, тупики и их родственники гнездятся колониями на больших островах и на крутых обрывах, где ни лиса, ни песец не могут добраться до их гнёзд. Яйца воруют лишь обитающие по соседству чайки.

Люрики

В недавнем прошлом чистиковых птиц уничтожали люди. Интересовали их в первую очередь яйца. На островах, где расположены гнездовья чистиковых, обитают многие сотни и тысячи пар этих птиц. Добраться до островов нелегко, но каждая поездка приносила богатую добычу. В нелёгкие голодные годы, например, во время Великой Отечественной войны, такие поборы спасали жизни многим людям. Однако последствия сбора яиц были для колоний столь катастрофическими, что решено было оставить птиц в покое. Теперь им может угрожать лишь снижение запасов рыбы и других морских обитателей, идущих на корм взрослым чистиковым и их птенцам. В таком обеднении моря, увы, тоже повинен человек.

Есть надежда, что чистиковые птицы будут ещё долго жить на земле. Только для одного вида знакомство с человеком обернулось бедой. Это наиболее крупный представитель группы — бескрылая гагарка. Птица была размером с гуся и достигала веса в пять килограммов. Крылья у неё остались, но настолько маленькие, что они не давали птице возможности летать. Бескрылые гагарки жили по берегам островов на севере Атлантического океана. На этих птиц охотились моряки, они собирали их яйца, а когда численность птиц стала резко снижаться, к делу уничтожения гагарки приступили и натуралисты. Они не держали зла на гагарку, однако слишком велико было желание достать яйцо или шкурку необычного животного. К середине девятнадцатого века бескрылые гагарки вымерли.

Научное название бескрылой гагарки — «Пингвин нелетающий». До конца неясно, откуда, с какого языка пришло слово «пингвин».

Некоторые учёные полагали, будто слово это с одного из британских наречий переводится как «белоголовый», а придумали его европейские мореплаватели, основавшие колонию в Америке ещё в двенадцатом веке, задолго до путешествия Колумба. Сейчас эту точку зрения мало кто разделяет. Известно, что европейцы, познакомившись с антарктическими птицами, которых мы сейчас называем «пингвинами», поначалу сравнивали их с гусями. Затем кто-то из моряков подметил у них сходство с бескрылой гагаркой, и название северной птицы перешло на обитателей антарктических морей, внешне на неё похожих. Да так и закрепилось.

Бескрылая гагарка

Африканский пингвин

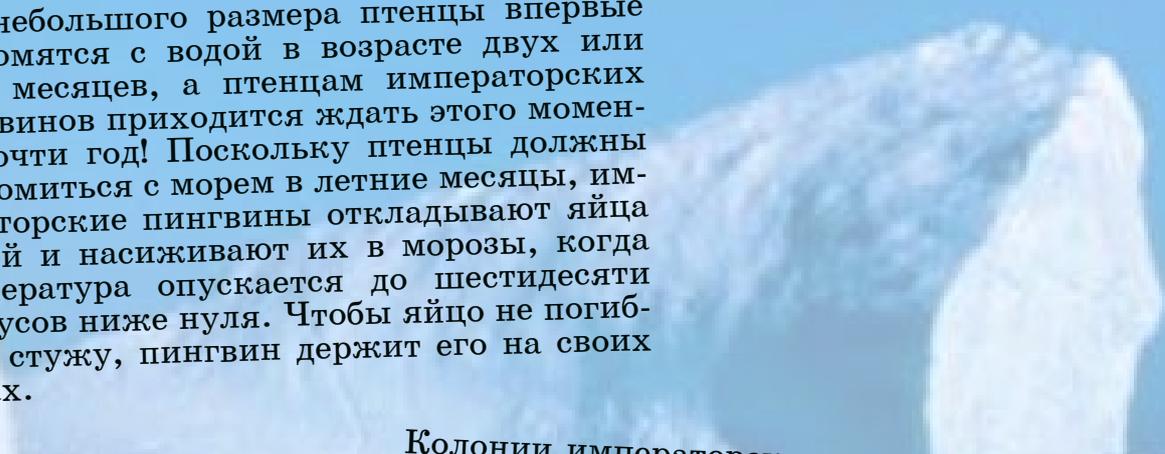
Первые пингвины, о которых узнали в Европе, жили на крохотном островке у южной оконечности Африки. Моряки рассказывали, что эти птицы собираются большими стадами, а гнездятся в норах, как кролики. Выходить на берег островка, населённого пингвинами, было небезопасно: нередко человек проваливался в пингвинью нору по плечи, и рассерженные птицы начинали молотить его крепкими клювами.

Размеры африканских пингвинов, а также птиц, обитающих на островах у побережья Южной Америки и Австралии, невелики: с утку, реже с гуся или лебедя. Приблизившись к берегам Антарктиды, натуралисты познакомились с птицами, достигавшими роста невысокого человека. Самый крупный пингвин — императорский. Его вес достигает сотен килограммов.

Несмотря на то, что летать пингвины не могут, многие из них — неутомимые путешественники. Конечно, есть пингвины, которые держатся у берега и не удаляются на большое расстояние от мест гнездования. Но другие совершают длительные миграции. Даже в период насиживания яиц они в поисках корма преодолевают сотни километров. Такие путешествия занимают не один день. Сперва, отложив яйцо, в море уходит самка. Самец проводит в ожидании подруги от нескольких дней (у мелких пингвинов) до двух месяцев, не отлучаясь от яйца. Наевшись, самка возвращается, и настаёт черёд самца отправляться в море. Вылупившись, птенцы первое время не могут плавать: они покрыты пухом и вынуждены находиться на суше. Пингвины, отправляющиеся за рыбой на большое расстояние от берега, приносят корм птенцам не чаще одного раза в несколько дней. Однако порции велики, и птенцы не голодают в ожидании родителей. У пингвинов небольшого размера птенцы впервые знакомятся с водой в возрасте двух или трёх месяцев, а птенцам императорских пингвинов приходится ждать этого момента почти год! Поскольку птенцы должны знакомиться с морем в летние месяцы, императорские пингвины откладывают яйца зимой и насиживают их в морозы, когда температура опускается до шестидесяти градусов ниже нуля. Чтобы яйцо не погибло в стужу, пингвин держит его на своих лапах.

Императорские пингвины

Колонии императорских пингвинов находятся на расстоянии до ста двадцати километров от моря. Птиц, способных преодолеть пешком такое расстояние, трудно назвать плохими ходоками. И тем не менее, на суше пингвин выглядит смешным и неуклюжим. Его стихия — вода. Движения пингвина под водой столь же стремительны, маневренны, грациозны, что и движения птиц, летающих по воздуху. Крылья пингвинов, с первого взгляда похожие на беспомощные культяпки, прекрасно служат им в воде. К сожалению, жители северных стран могут полюбоваться на настоящих пингвинов только в зоопарке. Чистиковые птицы не проникают далеко на юг, а пингвины не заплывают на север. Их также останавливают тёплые экваториальные воды, где эти птицы не могут найти привычной для них пищи.

Павел Квартальнов

Он родом

из детства...

Все мальчики и девочки, заканчивая изучать букварь, непременно знакомятся с чудесными строчками:

Как хорошо уметь читать!
Не надо к маме приставать,
Не надо бабушку трясти:
«Прочти, пожалуйста, прочти!»
Не надо умолять сестрицу:
«Ну, почитай ещё страницу!»
Не надо звать,
Не надо ждать,
А можно взять
И прочитать!

Это стихотворение написал поэт Валентин Берестов. В маленьком городке Мещовске прошли ранние годы Валентина Дмитриевича. Мальчик сам научился читать в 4 года. Читать учился не по букварю, а по заголовкам газет «Правда», «Известия»; очень любил рассматривать картинки, рисунки, читал под ними подписи.

Сказок! И картинок! Картинок! Этого так хотела его детская душа. И однажды он всё-таки нашёл сказку с прекрасными картинками. Кто-то из зна-

комых дал почитать книжку К.И. Чуковского «Мойдодыр». Мальчик читал её до тех пор, пока не выучил наизусть. Он представлял, как, спасаясь от бешеной мочалки, неряха очутился в каком-то сказочном саду и встретил там не лучезарную фею Чистоты, а Крокодила с сыновьями Тотошей и Кокошей. И Крокодил спас героя от разнузданной мочалки...

А потом была ещё одна радостная встреча... с «Мурзилкой». Однажды в детсаду в столовой на шкафу он разглядел сокровище — подшивку журнала «Мурзилка» за целый год. И главным смыслом его жизни в детсаду, главной мечтой стало раздобыть это чудо со шкафа. А вдруг Чуковский написал что-нибудь новое? Или Маршак? Ведь он уже хорошо знал «Человека рассеянного». Брать со шкафа журналы не разрешали воспитатели. Но подшивка не давала покоя даже ночью.

— При взрослых я старался не глядеть на шкаф. Про желание взять в руки под-

шивку помалкивал. Не спеша приглядывался к распорядку, тщательно обдумывал план овладения журналами. Подыскивал себе болезнь, при которой не ставят градусник, не приносят йода, не дергают руку или ногу, вправляя вывих. Наконец оказался «больным» («Голова болит!»), лёг в постель и ждал, когда наша группа уйдёт на улицу. Так подшивка оказалась у меня. Я лёг в по-

соседнего детдома.

— Когда в нас полетели камни, мы с Аркашей закричали, что витязи, рыцари, красные конники так не поступают. И вообще драка камнями — нечестная драка, а честь дороже, чем сама жизнь. (Я настолько уверился в этом, что за всё детство ни в кого не кинул камнем).

Было в детстве будущего писателя и ещё одно пристрастие — увлечение историей. Размышлял он об историческом прошлом, сидя на Рождественской горке. Очень часто по утрам вместо детсада шёл Валя на Рождественскую горку. «Там высился похожий на каменную ёлку храм семнадцатого века. Валы и овраги ограничивали древнее городище. Кудрявились высокие деревья в оврагах...

Я влезал на развилку самого большого дерева, уютно располагался в ней и при

стель и погрузился в чтение...

В «Мурзилке» он нашёл сказку Андерсена «Принцесса на горошине», сказку про Кота Котофеича. Это для шестилетнего мальчика было незабываемым праздником. У него ещё не раз «болела голова», и потому полюбившиеся стихи и сказки он запомнил наизусть, щедро делясь ими с ребятами.

А ещё Валя очень любил игры на внимательность.

— Галки летают?

— Летают!

— Палки летают?

Неприменно кто-нибудь брякнет: «Летают!» — И проиграл.

А прятки: чья очередь водить? Или игра в войну: все делятся на две команды: наших и ненаших — и начинаются военные действия.

Через много лет, вспоминая об этом, Берестов скажет, что когда-нибудь война непременно станет всего лишь детской игрой, и напишет стихотворение «Мир»:

Нет, слово «мир» останется едва ли,
Когда войны не будут люди знать.
Ведь то, что раньше миром называли,
Все станут просто жизнью называть.
И только дети, знатоки былого,
Играющие весело в войну,
Набегавшись, припомнят это слово,
С которым умирали в старину.
Среди ребят у него было прозвище
«Чапаев». Иногда дрались с ребятами из

нимался грезить, глядя на кроны деревьев внизу и облака вверху».

Увлёк краеведением мальчика отец. От отца он знал, что больше века Мещовск входил в Великое княжество Литовское, тем самым уклонившись от ига Золотой Орды. Мальчик фантазировал, что литовский гарнизон стоял здесь, на Рождественской горке, за частоколом. И воображал себя то часовым, то лазутчиком, а чаще всего — путешественником, кото-

рого занесло на далёкий остров, загадочный и прекрасный:

Сажу на самой верхней ветке,
И чудится, что я в разведке
Или на мачте корабля,
Готовый закричать: «Земля!»
А ветер дерево качает.
Никто меня не замечает.
А я забрался выше всех,
И вижу всех,
И слышу всех!

А вот что было со школой.

— Мне пять лет. Сажу один, как дурак, в холодной песочнице. Осень. Друзья мои учатся все. И тогда я тоже решил пойти в школу. Она в нашем городе была одна. Пришёл в первый класс, сел на заднюю парту. Учительница меня, конечно, заметила:

— Мальчик, а ты что здесь делаешь?

— А я учиться, — говорю, — хочу!

— А ты знаешь какие-нибудь буквы?

И я стал шпарить по букварю: «Мама мыла раму...»

— А стишок какой-нибудь?

Я вышел. Встал в позу:

Кто, рыцарь ли знатный
Иль латник простой,
В ту бездну прыгнёт с вышины?
Бросаю мой кубок туда золотой:
Кто сыщёт во тьме глубины...

И всю балладу «Кубок» Шиллера в переводе Жуковского. Учительница решила, что пришёл гений...

А писать стихи Валя начал в первом классе. Был у них забияка Борька Кожухов. Сильно обижал мальчика. И тогда Валя не вытерпел и, переименовав популярную дразнилку, сочинил на Кожухова язвительную эпиграмму:

Иди прямо, прямо, прямо,
Там помойная яма.

В ней сидит Борис Кожух,
Председатель дохлых мух.

Борька тут же с ним подружился, даже ходил и охранял его. И показывал: «Сочини про того, про этого».

Потом начал сочинять дразнилки на весь класс, бичуя недостатки ребят, за что и бывал бит портфелями. Были стихи в стенгазету. Так заработал славу и получил прозвище «поэт», из-за которого уже сам лез в драку.

«Поэт! Поэт!» — кричали вслед.

Поэту было мало лет.

Он не мечтал о славе.

Мечтал он о расправе

Со всеми, кто поэту вслед
Кричал: «Поэт! Поэт! Поэт!».

Так напишет спустя тридцать лет
В. Д. Берестов о своих детских обидах на
одноклассников-первоклассников.

Сорокалетним человеком он напишет много стихов о детском счастье, о далёком мешковском детстве, о родном городе. Он вспоминал, как прислушивался к звукам духового оркестра из горсада. На заре просыпался от пастушеского рожка, скликавшего стадо. Очень живо представлял семейные сборы на Петровскую ярмарку, городские скачки, где у него был любимый конь — вороной в белых чулках, который почти всегда побеждал в заездах. Он хорошо помнил доктора Лебедева, который его лечил, и санитарный самолёт, который для него был в диковинку... И обо всём этом, увиденном, пережитом в детстве, мы читаем в его, добрых, чистых, умных стихах: «Рожок», «Под столом», «Доктор Лебедев», «Венок», «На палочке верхом», «Самолёт прилетел»... И, конечно, есть у него прекрасное стихотворение, посвящённое милому, родному

Мешковску, источнику его вдохновения.
О перекрёсток детства. В мир безбрежный,
В его простор, желанный, неизбежный,
На юг, на север, запад и восток
Идут дома... Мой санный и тележный,
Мой летом травяной, зимою снежный,
Мой деревянный, с виду безмятежный,
Садово-огородный городок».

Стихи В. Д. Берестова, светлые, с чувством юмора, любят и знают не только в нашей стране, но и далеко за её пределами.

Его стихотворения «Мир» и «С птичьего полёта» высечены на каменной книге-памятнике в итальянском городе Арпино, родине Цицерона. В. Д. Берестов — автор многих стихотворных сборников для детей и взрослых, сказок, повестей, рассказов, очерков, переводов...

Возьмите в руки любую книгу этого автора и прочитайте обо всём сами. В них есть что почерпнуть, над чем поразмыслить.

*Клавдия Фомичёва
Рисунки Татьяны Александровой,
жены поэта.*

Чудесный мир сказок Софьи Прокофьевой

Вы слышали о Детском Докторе? О том самом Детском Докторе с жёлтым чемоданчиком, в котором лежат удивительные лекарства: порошок смеха, антиболтин и конфеты «Настоящей храбрости». Конечно, вы слышали и о Докторе, и о его чемоданчике. Наверняка видели фильм «Приключения жёлтого чемоданчика», а может быть, даже читали книжку, по которой этот фильм сняли. Вы, конечно, помните, как трусливый мальчик Петька стал смелым без всяких конфет, которые ему прописал Детский Доктор. Как грустная девочка Тома снова научилась смеяться, и порошок смеха тут ни при чём... Кто же придумал эту замечательную историю?

В далёком 1928 году в Москве в семье художников родилась девочка. Назвали её Софья. Тогда по улицам ещё ездили извозчики, и девочка просыпалась под перестук копыт по мостовой и — музыку Баха. В окна заглядывало зимнее солнце, и лучи его освещали прекрас-

ные картины на стенах. Гудел огонь в голландских печках. Девочка выходила в гостиную и видела приветливые лица родных: мамы, отца, дяди, замечательного пианиста, — это его игра радовала их сердца каждое утро. Музыка, живопись, поэзия — всё это наполняло просторную и уютную квартиру. И конечно, девочка начала писать стихи. Даже решила послать свои поэтические опыты великому поэту Борису Пастернаку — и он одобрил их! Но стихи, которые писала Софья в духе серебряного века и своего любимого Мандельштама, оказались, как говорится, не ко двору. Время было послевоенное, суровое, разруха, голод — не до стихов. И Софья, оставив мечту о Литературном институте, поступила в Суриковский, потому что хорошо рисовала. Получила профессию художника-графика. Оформила несколько книжек.

И всё-таки больше всего ей нравилось сочинять сказки. В 1957 году вышла её первая сказка в стихах «Кто лучше?»

Прокофьевой очень похож на европейское средневековье. Величественные замки среди густых лесов, черепичные крыши городов, ажурные башни, булыжные мостовые, горожанки в длинных платьях, передниках и чепцах, стражники с алебардами, охраняющие королевский дворец, пышно разодетые придворные... Откуда же у советской писательницы интерес к европейскому средневековью? Дело в том, что, когда умерла мамы Софьи, отец, погоревав, как в сказке, женился второй раз. И мачеха, вопреки фольклорным традициям, стала для Софьи Прокофьевой верным другом и наставницей. 40 лет прожили они душа в душу. Вера Николаевна Маркова была известным переводчиком с японского. Между прочим, все знаменитые народные японские сказки российские дети знают именно в её пересказе. А ещё она была специалистом по средневековью. В.Маркова и С. Прокофьева вместе написали книгу «В стране легенд» — переложение для детей самых известных европейских средневековых историй. А иллюстрировал её Леонид Фейнберг, папа Софьи.

Но вернёмся к сказкам Софьи Прокофьевой. Когда была написана сказка «Астрель и Хранитель леса», издательства отказались её печатать. Говорили: зачем советским школьникам история про каких-то принцесс и королей? Как-то подозрительно много в сказках Прокофьевой чуждого «буржуазного элемента» — надо писать про пионеров, а не про принцесс! Хорошо, что нашлись умные люди, которые увидели в этих сказках то, что писательница и хотела до читателя донести. Что добро всегда побеждает зло. Что не власть и богатство делает человека человеком, а способность любить, терпеливо сносить невзгоды и жертвовать собой ради дружбы и любви.

А про следующую — «Пока бьют часы» — замечательный детский писатель Лев Кассиль сказал, что её написала «настоящая сказочница». Всенародную известность принесла Софье Прокофьевой сказочная повесть «Приключения жёлтого чемоданчика», написанная в конце 1960-х. Идея её появилась так. Однажды писательница ехала в Прибалтику. У соседа по купе был такой же жёлтый кожаный чемоданчик, как у неё. И чуть было он этот чемоданчик по ошибке не прихватил. Тогда оба посмеялись, а Софья Прокофьева представила, что было бы, если бы он увёз её рукописи, а она — его приборы. Вскоре вышла весёлая, поучительная книжка — современная городская сказка о хороших людях.

Софье Прокофьевой всегда был близок мир сказок Андерсена; мир благородных рыцарей и королей, волшебства и таинственных, опасных приключений. Сказочный мир

Так вышел в свет сказочный цикл «Повелитель волшебных ключей». В него вошли повести «Ученик волшебника», «Остров капитанов», «Девочка по имени Глазастик», «Астрель и Хранитель леса», «Принцесса Уэнни». Главный герой этих повестей — молодой человек по имени Алёша. Типичный московский студент, вежливый, доброжелательный. О том, что он — волшебник, знает только его верный друг, кот Васька. Ну, ещё джинн, которого Алёша освободил из заточения, и джинн на радостях остался у него жить... в термосе. У Алёши есть волшебные мелки, с помощью которых он может нарисовать на двери ключ и попасть в любую сказку. В ту, где хорошие люди оказались

в беде. Вот так и путешествуют Алёша с верным Васькой по сказочным городам и помогают побеждать злых волшебников и тех, кто им служит: алчных и трусливых королей, завистливых и подлых придворных. В каждой сказке Софьи Прокофьевой простые работающие люди оказываются добрее, честнее, благороднее царедворцев и богачей. О том, что не в богатстве счастье, а в друзьях, говорится в сказках «Лоскутик и Облако», «Пока бьют часы», «Тайна хрустального замка», «Королевство Семи озёр» и многих других.

Сказками из цикла «Белоснежка» вот уже лет десять зачитываются девочки от шести до двенадцати, а то и старше. Сама писательница признаётся, что эти сказки и вышедшие недавно «Девочка-свеча» и «Босая принцесса» занимают особое место в её творчестве. В «Белоснежке» писательница открыто говорит о силе молитвы. В одной из сказок цикла Белоснежка, чтобы спасти попавших в беду, поднимается на мрачную Ледяную скалу. Её обступают страшные призраки — это души грешников. Ужас охватывает героиню. Но сильнее страха оказывается жалость к несчастным. «Господь милосердный, смилуйся над ними! Никто не молится о них!» — сердце

Белоснежки сжалось от сострадания. Со слезами на глазах она начала читать одну молитву за другой». И тогда в руках призраков возникают свечи. «Она молится о нас!.. Она молится о нас...» — послышались их потрясённые голоса. Призраки падали на колени, невнятно шепча слова благодарности: «Мы согрелись... Нам тепло... Пока ты молишься о нас, горят наши свечи...» Молитва... Какое простое и сильное средство защиты от беды. Вот Белоснежка с горящей свечой в руке молится, чтобы спасти заколдованного брата своего мужа, а к ней со свистом несётся Погибельный меч. Но, словно на невидимую стену, натывается на круг света от свечи и рассыпается: «Меч... взвился в воздух. Но Белоснежка, не дрогнув, продолжала молиться».

В другой сказке про Белоснежку девочка, превращённая Морским царём в Золотую рыбку, раз в году, в Рождественскую

ночь, становится человеком. Ей надо успеть добежать до церкви, пока идёт служба, звонят колокола и горят свечи, но каждый раз она не успевает и снова возвращается в подводное царство. И только когда навстречу девочке, уже превращающейся в рыбку, выходит отшельник с горящей свечой и крестит её, она становится человеком уже навсегда. И сколько таких волнующих, сильных моментов в сказках Софьи Прокофьевой!

Церковь говорит, что мы должны уметь прощать, быть терпеливыми и смиренными. Ох, как трудно это нам даётся, правда же? А вот Белоснежка и Мелисенда этими качествами обладают. «Конечно, — скажете вы, — ведь они сказочные героини. Таких в жизни не бывает!» Ну, во-первых, бывают. Наверняка среди ваших подруг и взрослых знакомых есть такие — скромные, приветливые, уступающие в споре. А во-вторых, и сказочным героиням приходится несладко: сколько страданий приходится им пережить, чтобы заслужить счастье! Но, несмотря на боль, физическую и душевную, Белоснежка старается простить свою мачеху, злую колдунью, которая стремится сжить её со свету. А Мелисенда в той беде, в какой она оказалась, винит только себя и никого не упрекает. Вот какие они, принцессы из сказок Прокофьевой.

А признайтесь, девчонки, кому из вас не хотелось быть принцессой? Вот и Уэнни из сказки «Маленькая принцесса» захотелось стать такой же, как «прозрачная девочка, похожая на волшебную принцессу», которая однажды утром, словно скользя по воздуху, прошла мимо их бедного домика. И девочка отдаёт свою душу страшному Трагимору, который пообещал ей за это ослепительную красоту и богатство. Кто же такой этот Трагимор? Вот как описывает его Софья Прокофьева: «Лицо незнакомца казалось смуглым, тёмным, словно обугленным. Одна бровь выше другой. Но всего страшней были его глаза. Казалось, в них поселилась беспросветная ночь. Две тёмные струйки мрака, клубясь, сочились из их бездонной глубины».

Трагимор хочет завладеть душой Уэнни, Мортигер в «Босой принцессе» — душой Мелисенды. Но победить дьявол может только тогда, когда человек сам захочет отдать ему свою душу. В обмен на красоту и богатство, как Уэнни. Или на великий талант и почёт, как золотых дел мастер Ауриент. Есть ещё один путь, ведущий прямо в сети дьявола, — предательство. В сказке «Маленькая принцесса» человеческие грехи принимают образ

страшных воинов, закованных в латы. Вот они, слуги Мрака, «порождения злобы и греха»: рыцарь Ненависть, рыцарь Равнодушие, рыцарь Предательство, рыцарь Коварство, рыцарь Ненасытная Алчность, рыцарь Жестокость. Признайтесь, бывает и так, что мы сами берём в союзники этих рыцарей Мрака. Противостоять им может только свет. Доброта и милосердие. Добрые дела. А ещё — искреннее раскаяние в злых делах и помыслах. Покаяние, как вы знаете, способно освободить душу, попавшую в плен Тьмы и вернуть её к Богу. Когда-то Уэнни дала кружку воды прокажённой, которую отовсюду прогоняли. И эта кружка воды спасла жизнь друзьям Уэнни, которые сражаются за её душу в королевстве Сновидений. Уэнни тёмными вечерами стояла со свечой, чтобы её друг Уэн нашёл из лесу дорогу домой. Впрочем, стоп. Мне очень нравится вспоминать захватывающие, таинственные и опасные приключения героев сказок Софьи Прокофьевой. Но не буду лишать вас удовольствия самим прочитать её книги и погрузиться в чудесный мир, где зло хоть и кажется могущественным, но всегда терпит поражение, а справедливость торжествует.

А Софья Леонидовна пишет новую сказку. Какую? Пока это секрет! Но будьте уверены, в ней Любовь обязательно победит ненависть, зависть и злобу.

Наталья Богатырёва

Одинок ли Иван?

«Какой Иван? Уж не тот ли, что в сказке?» — спросит иной читатель. Нет, не о сказках пойдёт речь. Наш Иван — герой рассказа «Письмо молодого казака» Ивана Сергеевича Шмелёва (1873-1950 гг.), замечательного русского православного писателя. Самый известный его роман — «Лето Господне». Повествование в нём ведётся от лица семилетнего мальчика Вани, «из сердечной глубины верующего ребенка». В 1922 году писатель был вынужден уехать из своей страны. В 1925 году он оказался во Франции, там и был написан рассказ «Письмо молодого казака». Молодой казак Иван Думаков испытал все ужасы «красного террора». Но жив русский воин!

Зоя Андреевна Чандра, руко-

водитель театрального коллектива «Лампадка» при Николо-Перервинском монастыре (г. Москва), выбрала этот рассказ, зная, что у неё есть тот, кому можно доверить «Письмо», — Илья Дедов. Илюша пришёл в театр восьмилетним мальчиком. Я впервые увидела Илью, когда ему было 14 лет, в спектакле «Святые вечера» по рассказам протоиерея Николая Агафонова. Образ алтарника Валерки, слабого умом, но сильного духом, навсегда запал в мою душу. Вот такие, как этот алтарник, — незаметные, осмеиваемые, гонимые, неполноценные по человеческим меркам, для которых молитва — не определенные часы, не часть жизни, а вся жизнь, «последние» на земле, не они ли будут «первыми» на Небесах? Илья не играл, не вживался в чужую роль, не изображал алтарника. Он просто был алтарником. Теперь новая встреча: Илья Дедов — молодой казак.

Вот на сцену выходит юноша, высокий, стройный, совсем не похожий на лихого казака ни «дюжей наружностью», ни южной горяч-

ностью, ни порывистостью движений. Задумчиво идёт, вглядывается вдаль, отдаёт кому-то честь. Это служба у него такая — охранять механический завод во французском городе Рван. Звучит популярная песня Эдит Piaф. Она врывается, бурлит и картавит, заполняя пространство. Чужая песня, чужая страна. Иван закрывает уши — песня прекращается. Откуда-то издали доносится Херувимская песнь. Снимает Иван папаху, крестится, смотрит вверх.словно ангелы поют на Небесах. Медленно достаёт казак бумагу, карандаш. Жесты мягкие, голос задушевный:

— Лети, моё письмо, еропланом-птицей сквозь Европу, прямо на Тихий Дон, в родительское гнездо, к дорогим и бесценным родителям, старому казаку Николаю Ористарховичу Думакову и родительнице нашей Настасье Митревне в руки. От сына вашего меньшого, молодого казака Первой Сотни Перволинейного ЗахOPERского Полку Ивана Николаевича Думакова... Кланяемся вам, бесценные родители, от бела лица до сырой земли. (Встает Иван). Молитвами вашими и благословением, как отпускали на бранный бой, жив ваш сын, казачий сокол Иван Думаков...

О бедах своих поведал Иван, утешил родителей, от которых ни одного письма не получил, а сам уже девятое пишет:

— Одна тоска сердце моё вередит казачьё, что не имею от вас досы-

ла, как отошёл с дому. Отпишите мне скорее.

Собирается в душе его печаль глубокая, нарастает боль и тревога:

— Зачем вы молчите, не говорите, как в земле лежите? Аль уж и Тихий Дон не текёт, и ветер не несёт, летняя птица не прокричит? Не может этого быть, сердце моё не чует...

16-летний Илья высокую трагедию, подвиги свои и сотоварищей, рану сердечную передаёт не внешними приметами, не жестами и резкой интонацией — всё сдержано, все изнутри идёт. «Уж горем своим напился, слезой умылся, кулаками утёрся досуха...» Ни слёз у Ильи не видим, ни страданий напоказ.

Один стоит среди чужих. Один. Одинок, стало быть? Письмо-жалобу шлёт? Нет, не жалобу! Не сломлен русский воин. И не одинок. «Человек одинок тогда, когда он никого не любит», — утверждал русский философ Иван Ильин.

— Я теперь прямо гляжу на свет через многие страны, через всякие народы вижу. Нет теперь меня выше,

хоть и сточили ноги. Не хуже других сын ваш, молодой казак. Не утеряюсь в других народах, дождусь доли...

Друзья мои, слышите? «Нет теперь выше меня. Не утеряюсь в других народах». А мы? А сегодня? Едут и едут за границу соплеменники наши. На поклон едут. Ужели учиться негде в России? Ужели родители не нужны? Ужели никто не люб в родном Отечестве? Не потерялись ли в других народах?..

В начале и в конце письма Иван Думаков просит родительского благословения. Сердце его с батюшкой и матушкой, сильна в нём родовая связь: «вспоминал, как ваш дед, славный казак Ористарх Думаков, гулял в городе том Париже... травы чужие мял... с песней прошёл от Тихого Дона до ихнего Парижа!» Любит и помнит Иван и «друзей-братьев, злою неволей погибших», и всех родных, и Тихий Дон свой, и Родину. Сколько слов у нас с корнем «род» — родители, сродники, родник, родословие, Родина, Матерь Божия — Богородица. Отец о нерушимой связи с Господом заповедал. Не утратил Иван корневой, первородной связи с верой Православной...

Верует он, что вернётся домой, надеется на Промысел Божий.

«Полюшко-поле, полюшко широкое...» Поёт казачий хор, цокают копыта лошадей. Живы казаки. Не окончен поход. Вьётся пыль изпод копыт... Стоит молодой казак, за весь Тихий Дон стоит, за Землю Русскую. За ним — чернота и немота сцены, по бокам — «железный завод» и «люди французские». Стоит «казацкий сокол на посту-дозору, стоит во весь рост».

Тихо в зале. Даже трёхлетняя девочка на руках матери встала, смотрит на Илью Дедова — Ивана Думакова. А он, словно видит станицу родную, на колени опускается:

— Благословите, родители, батюшка и матушка, меньшого сына, молодого верного казака Ивана. Помолите Угодников, и Пресвятую Богородицу, и Спаса нашего на Хоругви нашем Казацком. И ворочусь не срочно, на радости! Поклонитесь от меня Кресту Господню на храме нашем. Не печальтесь, не плачьте, жив. Во весь рост стою я, меньшей ваш сын, ширше плечами стал, могутней. До радостного свиданья!

Что знаете вы, юные читатели, о временах жестоких, революционных, о братоубийственной Гражданской войне, о трагедии

казачества? Казалось бы, что сегодняшним молодым этот казак на чужбине? А в зале тишина и слёзы. Сколько ни заманивают нас удовольствиями лёгкой жизни, сколько ни вытравляют память о Святой Руси, сколько ни затуманивают разум, а сердце живо, и память о предках жива!

В последний раз звякнула сабля, согрел взор ясный, мелькнула папаха. Ушёл молодой казак...

А Иван Сергеевич Шмелёв вернулся на Родину. 30 мая 2000 года исполнилось последнее желание писателя. Останки Ивана Сергеевича и его жены Ольги Александровны, привезённые из Сент-Женевьев-де-Буа, были преданы земле на кладбище Донского монастыря в Москве. Чин панихиды совершил Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

*Весна?.. Она. Я сердцем слышу...
Проснутся сны мои в весне, —
И новых ласточек услышу,
И новый звон — в последнем сне...*

И. Шмелёв. 1926 год.

Галина Литвинцева

Река Дон

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ

Учитель французского языка, Бошар, скромно начавший карьеру с кучера, сохранивший свою представительную фигуру, заседал на своём учительском месте так же величественно и добродушно, как в былые дни восседал на козлах своего фиакра. Как прежде, бывало, он по временам стегал свою клячу длинным бичом, так и теперь, от времени до времени, он хлопал своей широкой, пухлой ладонью и кричал громким равнодушным голосом:

— Эй, вы, потише!

Однажды, по заведённому порядку, шёл урок Бошара. Очередной перевёз, остальной класс был в каком-то среднем состоянии между сном и бодрствованием.

В маленькое, круглое окошко класса, проделанное в дверях, заглянул чей-то глаз. Вахнов сложил машинально кукиш, полюбовался им сначала сам, а затем предложил полюбоваться и смотревшему в окошечко. При всём своём добродушии Иван Иванович, который и смотрел в окошко, не вытерпел и, отворив дверь, пригласил Вахнова к директору.

Вахнов струсил и стал божиться, что это не он. В подтверждение своих слов он сослался на Бошара, будто бы видевшего, как он, Вахнов, сидел смиренно.

Бошар, видевший всё и с любопытством естествоиспытателя наблюдавший сам зверька низшей расы — Вахнова, проговорил с пренебрежением удовлетворённого наблюдателя:

— Пошёл, пошёл, глупое животное!

Вахнов скрепя сердце пошёл за Иваном Ивановичем в коридор, но когда дверь затворилась и они остались одни с глазу на глаз, Вахнов, не долго думая, встал на колени и проговорил:

— Иван Иванович, не губите меня! Директор исключит за это, а отец убьёт меня. Честное слово, я говорю правду: вы знаете моего отца.

Иван Иванович хорошо знал отца Вахнова, который был в полном смысле слова — зверь, по свирепости и крутости нрава. Он славился на весь город этими своими качествами, наряду, впрочем, и с другими, признанными обществом: идеальной честностью и беззаветным мужеством.

— Встаньте скорей! — сконфуженно и растерянно заговорил Иван Иванович и сам бросился поднимать Вахнова.

Вахнов, для усиления впечатления, вставая, чмокнул надзирателя в руку.

Иван Иванович, окончательно растерявшись, опрометью бросился от Вахнова, отмахиваясь и отплёвываясь на ходу. Вахнов, постояв немного в коридоре, снова вошёл в класс.

Какими-то судьбами эта история всё-таки дошла до директора, и педагогическим советом Вахнов был приговорён к двухнедельному аресту по два часа каждый день.

Убедившись, что донёс не Иван Иванович, Вахнов остановился на Бошаре, как на единственном человеке, который мог донести. Это было и общее мнение всего класса. Хотя и не горячо, но почти все высказывали порицание Бошару.

«Идиот» Вахнов на мгновение приобрёл если не уважение, то сочувствие.

Это сочувствие пробудило в Вахнове затоптанное сперва отцом, а потом и гимназией давно уже спавшее самолюбие. Он испытал сладкое нравственное удовлетворение, которое чувствует человек от сочувствия к нему общества.

Но что-то говорило ему, что это сочувствие ненадежное и, чтоб удержать его, от него, Вахнова, требовалось что-то такое, что заставило бы навсегда забыть его прошлое. Бедная голова Вахнова, может быть, в пер-

вый раз в жизни, была полна другими мыслями, чем те, какие внушало ей здоровое, праздное тело пятнадцатилетнего отупевшего отрока. задачей, с которой он и справился наконец. За мгновение до прихода Бошара Вахнов не удержался, чтобы не сказать Иванову и Тёме (по настоянию Иванова они и во втором классе продолжали сидеть втроём и по-прежнему на последней скамейке) о том, что он всунул в стул, на который сядет Бошар, иголку.

Так как на лицах Иванова и Тёмы изобразился какой-то ужас вместо ожидаемого одобрения, то Вахнов на всякий случай проговорил:

— Только выдайте!

— Мы не выдадим, но не потому, что испугались твоих угроз, — ответил с достоинством Иванов, — а потому, что к этому обязывают правила товарищества. Но это такая гнусная гадость...

Тёма только взглядом ответил на так отчётливо выраженные Ивановым его собственные мысли.

Спорить было поздно. Бошар уже входил, величественный и спокойный. Он поднялся на возвышение, стал спиной к стулу, не спеша положил книги на стол, оглянул взглядом сонного орла класс и, раздвигая слегка фалды, грузно опустился.

В то же мгновение он вскочил, как ужаленный, с пронзительным криком, нагнулся и стал щупать рукой стул. Разыскав иголку, он вытащил её с большим трудом из сиденья и бросился из класса.

Совершенно бледный, с провалившимися вдруг куда-то внутрь глазами, откуда они горели огнём, влетел в класс директор и прямо бросился к последней скамейке.

— Это не я! — прижатый к скамье, в диком ужасе закричал Тёма.

— Кто?! — мог только прохрипеть директор, схватив его за руку.

— Я не знаю! — ответил высоким визгом Тёма.

Рванув Тёму за руку, директор одним движением выдернул его в проход и потащил за собой. Тёма каким-то вихрем понёсся с ним по коридору.

Как-то тупо застыв, он безучастно наблюдал ряды вешалок, шинелей, грязную калошу, валявшуюся посреди коридора...

Он пришёл в себя, только очутившись в директорской, когда его слух поразил зловеще щёлкнувший замок запиравшейся на ключ двери. Смертельный ужас охватил его, когда он увидел, что директор, покончив с дверью, стал как-то тихо, беззвучно подбираться к нему.

— Что вы хотите со мной делать?! — неистово закричал Тёма и бросился в сторону.

В то же мгновение директор схватил его за плечо и проговорил быстрым, огнём охватившим Тёму шёпотом:

— Я ничего не сделаю, но не шутите со мною: кто?!

Тёма помертвелыми глазами, застыв на месте, с ужасом смотрел на раздувавшиеся ноздри директора.

Впившиеся чёрные горящие глаза ни на мгновение не отпускали от себя широко раскрытых глаз Тёмы. Точно что-то, помимо воли, раздвигало ему глаза и входило через них властно и сильно, с мучительной болью вглубь, в Тёму, туда... куда-то далеко, в ту глубину, которую только холодом прикосновения чего-то чужого впервые ощущал в себе онемевший мальчик...

Ошеломлённый, удручённый, Тёма почувствовал, как он точно погружался куда-то... И вот, как жалобный подсвист в бурю, рядом с диким воем зазвучали в его ушах и посыпались его бессвязные, слабеющие слова о пощаде, слова мольбы, просьбы и опять мольбы о пощаде и ещё... ужасные, страшные слова, бессознательно слетавшие с помертвевших губ... ах! более страшные, чем кладбище и чёрная шапка Еремея, чем розги отца, чем сам директор, чем всё, что бы то ни было на свете.

Что смрад колодца?! Там, открыв рот, он больше не чувствовал его... От смрада души, охватившего Тёму, он бешено рванулся.

— Нет! Нет! Не хочу! — с безумным воплем бесконечной тоски бросился Тёма к вырвавшему у него признание директору.

— Молчать! — со спокойным, холодным презрением проговорил удовлетворённый директор и, втолкнув Тёму в соседнюю комнату, запер за ним дверь.

Оставшись один, Тёма как-то бессильно, тупо оглянулся, точно отыскивая потерявшуюся связь событий. Затихавшие в отдалении шаги директора дали ему эту связь. Ослепительной, мучительной болью сверкнуло сознание, что директор пошёл за Ивановым.

— И-и! — ухватил себя ногтями за щеки Тёма и завертелся волчком. Натолкнувшись на что-то, он так и затих, охваченный какой-то бесконечной пустотой.

В соседнюю комнату опять вошёл директор. Снова раздался его бешеный крик.

Тёма пришёл в себя и замер в томительно напряжённом ожидании ответа Иванова.

— Я не могу... — тихой мольбой донеслось к Тёме, и сердце его сжалось мучительной болью.

Опять загремел директор, и новый залп угроз оглушил комнату.

— Я не могу, я не могу... — доносился как будто с какой-то бесконечной высоты до слуха Тёмы быстрый, дрожащий голос Иванова. — Делайте со мной, что хотите, я приму на себя всю вину, но я не могу выдать...

Наступило гробовое молчание.

— Вы исключаетесь из гимназии, — проговорил холодно и спокойно директор. — Можете отправляться домой. Лица с таким направлением не могут быть терпимы.

— Что ж делать?! — ответил раздражённо Иванов. — Выгоняйте, но вы всё-таки

не заставите меня сделать подлость.

— Вон!!!

Тёма уже ничего не чувствовал. Всё как-то онемело в нём.

Через полчаса состоялось определение педагогического совета. Вахнов исключался. Родным Иванова предложено было добровольно взять его. Карташёв наказывался на неделю оставаться во время обеда в гимназии, по два часа каждый день.

Тёме приказали идти в класс, куда он и пошёл, подавленный, униженный, тупой, чувствуя отвращение и к себе, и к директору, и к самой жизни, чувствуя одно бесконечное желание, чтобы жизнь отлетела сразу, чтобы сразу перестать чувствовать.

Но жизнь не отлетает по желанию, чувствовать надо, и Тёма почувствовал, решившись поднять наконец глаза на товарищей, что нет Иванова, нет Вахнова, но есть он, ябеда и доносчик, пригвождённый к своему позорному месту...

Неудержимой болью охватила его мысль о том светлом, безвозвратно погибшем времени, когда и он был чистым и незапятнанным; охватило его горькое чувство тоски: зачем он живёт, и рыдания подступили к его горлу.

Но он удержал их, и только какой-то тихий, жалобный писк успел вырваться из его горла, писк, замерший в самом начале. Что-то забытое, напомнившее Тёме Жучку в колодце, мелькнуло в его голове...

Тёма быстро, испуганно оглянулся... Но никто не смотрел на него.

Передавая дома эту историю, Тёма скрыл, что выдал товарища.

Отец, выслушав, проговорил:

— Иначе ты и не мог поступить... И без наказания нельзя было оставить;

Вахнова давно пора было выгнать; Иванов, видно, за что-нибудь намечен, а ты, как меньше других виноватый, поплатился недельным наказанием. Что ж? Отсидишь.

Сердце Тёмы тоскливо ныло, и, ещё более униженный, он стоял и не смел поднять глаз на отца и мать.

Аглаида Васильевна ничего не сказала и ушла к себе.

Не дотронувшись почти до еды, Тёма тоскливо ходил по комнатам, отыскивая такие, в которых никого не было, и, останавливаясь у окон, неподвижно, без мысли, замирал, смотря куда-то. При малейшем шорохе он быстро отходил от своего места и испуганно оглядывался.

Когда наступили сумерки, ему стало ещё тяжелее, и он как-то бессознательно потянулся к матери. Он рассмотрел её возле окна и молча подошёл.

— Тёма, расскажи мне, как всё было... — мягко, ласково, но требовательно-уверенно проговорила мать. Тёма замер и почувствовал, что мать уже догадалась.

— Всё расскажи.

Этот ласковый, вперёд прощающий голос охватил Тёму какой-то жгучей потребностью — всё до последнего передать матери.

Передав истину, Тёма горько оборвал рассказ и униженно опустил голову.

— Бедный мой мальчик, — произнесла охваченная той же тоской унижения и горечи мать.

Тёма облокотился на спинку её кресла и тихо заплакал. Мать молча вытирала капавшие по его щекам слёзы.

Собравшись с мыслями и дав время успокоиться сыну, она сказала:

— Что делать? Если мы видим свои недостатки и если, замечая их, стараемся исправиться, то и ошибки наши уже являются источниками искупления. Сразу ничего не приходит. Всё достаётся тяжёлой борьбой в жизни. В этой борьбе ты уже нашёл сегодня одну свою слабую сторону... Когда будешь молиться, попроси у Бога, чтобы Он послал тебе твёрдость и крепкую волю в минуты страха и опасности.

— Ах, мама, как я вспомню про Иванова, как вспомню... так бы, кажется, и умер сейчас.

Мать молча гладила голову сына.

— Ну, а если б ты пошёл к нему? — спросила она ласково. Тёма не сразу ответил.

— Нет, мама, не могу, — сказал он дрогнувшим голосом. — Когда я знаю, что больше не увижу его... так жалко... я так люблю его... а как подумаю, что пойду к нему... я больше не люблю его, — тоскливо закончил Тёма, и слёзы опять брызнули из его глаз.

— Ну и не надо, не ходи. Когда-нибудь в жизни, когда ты выйдешь хорошим, честным человеком, Бог даст, ты встретишься с ним и скажешь ему, что если ты вышел таким, то оттого, что ты всегда думал о нём и хотел быть таким же честным, хорошим, как он. Хорошо?

Тёма молча вздохнул и задумался. Мать тоже замолчала и только продолжала ласкать своего не устоявшего в первом бою сына.

Вечером, в кровати, Тёма осторожно поднял голову и, убедившись, что все уже спят, беззвучно спустился на пол и, весь проникнутый горячим экстазом, охваченный каким-то особенным, так редко, но с такой силой посещающим детей огнём веры, — жарко молился, прося Бога послать ему силы ничего не бояться.

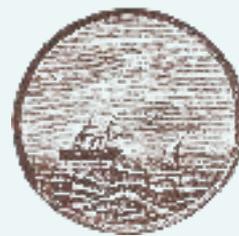
И вдруг, среди молитвы, Тёма вспомнил Иванова, его добрые глаза, так ласково, доверчиво смотревшие на него, вспомнил, что больше его никогда не увидит... и, как-то завизжавши от боли, впился зубами в подушку и замер в безысходной тоске...

Н. Г. Гарин-Михайловский

ЕЛЕНА-РОБИНЗОН

ГЛАВА 29

Елена давно уже собиралась обойти весь остров, чтобы поближе ознакомиться с ним. Зная, что на это потребуется, по крайней мере, дня два, она с вечера приготовила для своих козочек корм и воду.

На другое утро Елена поднялась с зарёю, запаслась на два дня хлебом и сушёными финиками и вместе со своим неизменным спутником Дружком отправилась в лес той же дорогой, по которой месяца три тому назад возвращалась ночью со светящимися жуками.

Утро было прекрасное. На небе не видно было ни единого облачка. Миновав лес и перейдя Козью долину, Елена поднялась на противоположную гору. Всюду взор её встречал нескончаемые леса, среди которых виднелись небольшие поляны с свежей бархатистой зеленью.

Спустившись с горы, Елена расположилась у ручейка, чтобы подкрепиться скромным завтраком. У ног её лежал Дружок и с любопытством следил за маленькими птичками, кружившими над её головой.

Вдруг Елена заметила, что в двух шагах от неё зашевелилась травка, вслед затем открылась маленькая земляная дверца, вроде крышки, из-под которой показался небольшой паук.

Елена затаила дыхание, не спуская глаз с загадочного места. Но, по-видимому, паук заметил опасность: он быстро скрылся, и земляная крышка плотно захлопнулась за ним. Дверца эта была так искусно подделана под цвет земли, что если бы Елена не увидела, в каком месте она отворилась, то никогда бы не нашла её.

Елена попыталась осторожно открыть эту интересную дверцу, но тотчас почув-

ствовала, что насекомое держит её изнутри. Заглянув под неё, она увидела, что паук изо всех сил удерживает передними лапками покрытую шелковистой паутиной крышку, а другими упирается в стенки ямки. Когда же она приподняла крышку, паук быстро скрылся в глубину норы. Жилище этого насекомого очень заинтересовало Елену, и она решила рассмотреть его. Потянув слегка за крепкую

паутину, которой было выложено отверстие в земле, Елена немало удивилась, когда вытащила всю его нору, имевшую вид прозрачного мешка, на дне которого лежал паук. Мешок этот походил на длинный чулок, сотканный из плотной шелковистой паутины. Полюбовавшись искусной постройкой жилища, Елена осторожно вложила его обратно в ямку.

Когда Елена достигла наконец берега, солнце стояло высоко. Она, стараясь всё время держаться в тени, направилась к мыску, до которого уже доходила однажды.

За мысом находилась длинная коса, выдававшаяся далеко в море. Чтобы не делать большого обхода, Елена решила идти через

лес напрямик и таким образом добраться до берега, находившегося по другую сторону леса. Но не успела она пройти сотни шагов, как остановилась в изумлении: перед ней, под группой кокосовых деревьев, ползали огромные крабы. Одни из них держали в своих громадных клещах кокосовые орехи и, ударяя ими о камень, раскалывали их и съедали мякоть. Другие просто всовывали кончик клешни в находящееся у основание ореха маленькое отверстие и таким образом раскалывали орех, а некоторые, пятясь задом, забирались в свои норы, вырытые

под корнями вековых деревьев. Никогда не видела ещё Елена таких громадных крабов, живущих не в воде, а на суше.

Но вот некоторые из этих коричневых великанов, по-видимому, заметили новых пришельцев и медленно направились к ним.

Дружок бросился к крабам, но Елена отозвала его и поспешила уйти от опасных хищников.

Долго шла она по этому дремучему лесу. Проникавшие в него косые лучи солнца уже предвещали близкий закат. Опасаясь ночевать в тёмном лесу, Елена ускорила шаги в надежде засветло добраться до какой-нибудь поляны.

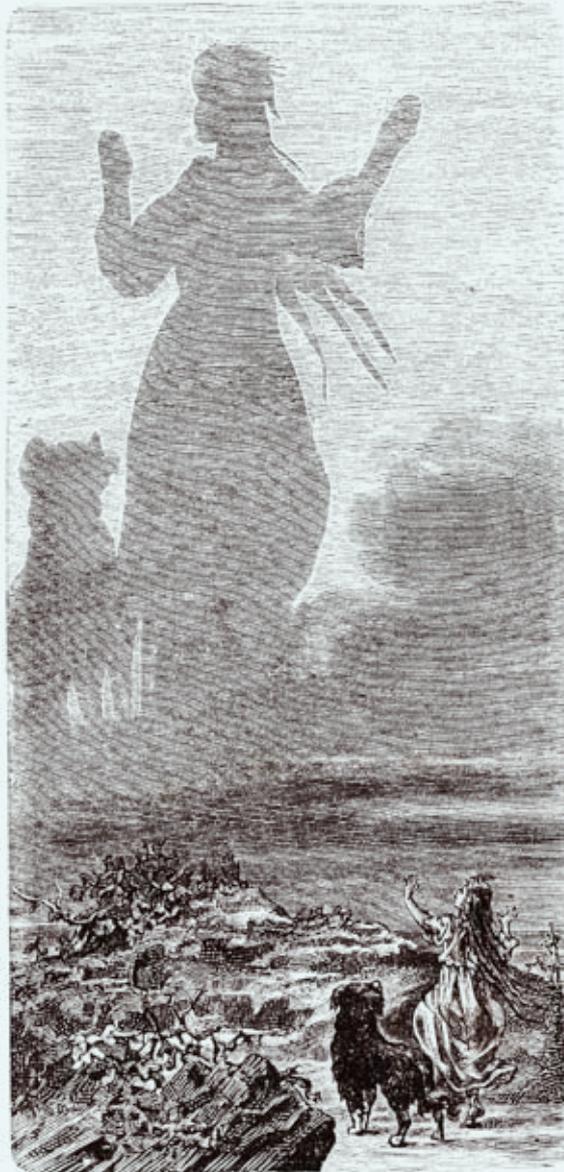
Вскоре из-за деревьев она увидела голубое небо и, направившись в ту сторону, пришла к небольшому озеру, тихие воды которого были покрыты растениями необыкновенной величины. Среди гигантских листьев цвели огромные, необыкновенно душистые фиолетовые, жёлтые и белые цветы, имевшие почти фут в диаметре. Красота и грандиозность этих растений, в которых Елена тотчас признала *Victoria regia*, поразили девушку. Листья, напоминавшие собою огромное блюдо, были почти в сажень и, слегка загибаясь по краям, держались на крепком стебле. Верхняя, гладкая сторона их была ярко-зелёного цвета, нижняя — с красноватым отливом. В отдалении, на одном из этих чудесных растений, прогуливалась какая-то большая птица, искавшая насекомых.

Елена решила переночевать на берегу этого озера и наскоро собрала хворост, чтобы развести костёр и поджарить себе хлеб. Когда костёр запылал, она пошла ещё раз полюбоваться чудесным растением, но большая часть цветов уже сложила свои лепестки, а некоторые даже совсем скрылись под водой. Всмотревшись внимательно, она увидела, что мало-помалу

и все остальные цветы закрывались и один за другим исчезали под водой.

Утолив голод и накормив Дружка, Елена скоро заснула крепким сном. Она знала, что Дружок сторожит её и не допустит к ней ни змеи, ни зверя.

Утром она поднялась вместе с восходом солнца, и первое, что бросилось ей в глаза — это чудные цветы *Victoria regia*, которые, снова показавшись на поверхности озера, один за другим распускали свои лепестки.

В то же время внимание её было привлечено несколькими маленькими рыбками, спокойно плававшими у самого берега. Тёмно-голубая спинка их была разрисована светло-голубыми и серебристыми полосками, отливавшими на солнце всеми цветами радуги. Блеском своих красок они могли бы соперничать с колибри и пёстрыми бабочками. Но вот одна из рыбок, заметив стрекозу, сидевшую на свесившемся к воде растении, подплыла к ней на расстояние двух аршин и внезапно брызнула в неё несколько капель воды. Выстрел был сделан так метко, что насекомое тотчас упало в воду и мгновенно было проглочено рыбкой. По этому маневру Елена догадалась, что рыбки эти принадлежат к породе брызгунов.

Потушив костёр, Елена бодро пошла вперёд по лесу с своим верным Дружком. Изредка попадались ей незнакомые растения и деревья, но она шла не останавливаясь, рассчитывая хотя бы к вечеру вернуться в свою пещеру.

Скоро она очутилась на опушке леса перед высокой крутой горой. С трудом взобралась Елена на гору и, едва переведя дух от утомительного подъёма, оста-

новилась на вершине. Утро было необыкновенно тихое, небо совсем ясное, и только внизу, у берега, лежал какой-то полупрозрачный туман. С горы открывался чудесный вид на окрестность и на море. Внизу, среди вековых лесов, раскинувшихся на большом расстоянии, перед взорами её то тут, то там блестели прозрачные воды небольших озёр и ручьёв, сверкавших серебрястыми нитями среди яркой зелени полей и лесов.

Вдруг Елена едва не вскрикнула от испуга.

На совершенно ясном небе обрисовалась гигантская фигура женщины, рядом с которой стоял огромный зверь. Загадочная фигура, подобно привидению, стояла в воздухе высоко над горою. Елена в страхе отшатнулась, но, к удивлению её, и великанша повторила то же движение. Опомившись от изумления и страха, Елена стала с любопытством наблюдать, как эта гигантская фигура повторяла все её движения: поднимала ли Елена руку, наклонялась ли, простирали ли обе руки — великанша делала то же самое. Елена стала припоминать, что она когда-то читала или слышала о миражах и явлениях подобных тому, которое теперь происходило. Она вспомнила рассказ отца о таком же точно мираже, виденном им в Германии на горе Брокен. И тут она заметила, что стоит спиной к солнцу и что гигантская фигура находится над стлавшимся по берегу полупрозрачным туманом, вследствие чего в воздухе, как в зеркале, отражались тени Елены и её верного Дружка. Но вот туман рассеялся — и видение исчезло.

Спустившись с горы, Елена расположилась на опушке леса и развела костёр, чтобы поджарить себе несколько ломтей хлеба; в то же время она заметила, что Дружок стоит у какого-то незнакомого ей дерева и жадно слизывает вытекающий из него беловатый сок. Видя, с каким наслаждением друг её лакомится этим соком, Елена надрезала ножом дерево в другом месте, и оттуда полилась густая сладкая и душистая жидкость, вкусом почти не отличавшаяся от настоящего коровьего молока. Елена нацедила себе полную кокосовую скорлупу этого вкусного прохладительного напитка и с большим наслаждением выпила. Елена догадалась, что это было молочное дерево, соком которого в тропических странах питаются целые селения. Дружку сок этот пришёлся до того по вкусу, что он с жадностью выпил

несколько кокосовых скорлуп, нацезенных его госпожой.

В путешествии своём Елена убедилась, что находится на острове, поблизости которого, насколько видно было в подзорную трубу, нет суши, и что остров необитаем, так как, исключая той местности, в которой Елена поселилась, нигде нельзя было заметить ни малейшего следа людей.

Только к вечеру, при самом закате солнца, достигла Елена знакомой долины.

„Здравствуй, Елена! Попочка есть хочет!“ — внезапно раздался над ней знакомый крик попугая, и вслед затем её пернатый друг слетел к ней на плечо и принялся от радости тереть ухо и волосы хозяйки. А у ограды её встретили ласковым блеяньем милые козочки.

Между тем солнце уже зашло. Последние лучи его потухли, и сумерки стали быстро сгущаться над долиной, дышавшей невозмутимым миром и тишиною.

Елена вошла в пещеру, осветила её своей лампой и, усталая, опустилась на дерновую скамью. Никогда не чувствовала она своего одиночества так сильно, как теперь. Ей показалось даже, что она разучилась говорить, и ей овладело томительное желание снова попасть в общество людей и снова услышать человеческий голос.

С этого дня мысль о далёкой родине не давала девушке покоя. Ежедневно, утром и вечером, поднималась она на гору и каждый раз, разочарованная возвращалась в пещеру.

Желая оставить о себе какую-нибудь память на острове, а ещё более в смутной надежде когда-нибудь на родине напомнить себе самой всё пережитое здесь, она решила последовать примеру несчастного француза и вести дневник.

Утренние часы её проходили в обычных занятиях по хозяйству, послеобеденные она посвящала прогулкам и рукоделию, а вечера — чтению и своему дневнику.

Сибирский патриарх

Сегодня я хочу познакомить вас с моим самым любимым деревом — кедром. Наверное, многие из вас знают об этом дереве из Библии. Я же расскажу вам о нашем русском кедре — сибирском.

В. Дмитриев, современник А. Пушкина, писал в 1818 году: «Славьтесь, места, любимые солнцем, гордитесь, высоты ливанские, своими кедрами... но... в глазах моих тенистый кедр богатой Сибири не уступит вам в красотах своих и мне вас заменит. Какое величество в осанке этого дерева, какая священная тень в густоте лесов его».

Я познакомилась с кедром двадцать пять лет назад. Работая корреспондентом газеты «Лесная промышленность», как-то отправилась в командировку в томскую тайгу с редакционным заданием: выяснить, как живётся кедру. Тогда впервые увидела это совершенно удивительное дерево. Дух захватило от его мощи. Представьте себе такого великана: высота до сорока метров, а диаметр ствола — полтора метра. Русский писатель Леонид Леонов, великий знаток русского леса, восхищаясь кедром, писал: «Когда смотришь на этот былинный утёс посреди зелёного океана, шапка сама валится с башки от почтения».

Среди деревьев, как и среди людей, есть свои «гении», особо щедро одарённые Творцом. Именно таким «особо одарённым» деревом и является кедр. Если собрать все сказки, легенды, рассказы, научные исследования о кедре, то получится целая библиотека.

Сибиряки нежно называют его «кормильцем», «батюшкой», «царем тайги» и «патриархом сибирским», за красоту называют его «сибирским малахитом», но самое распространенное и, наверное, самое точное его название — «хлебное дерево».

Вы, наверное, любите лакомиться кедровыми орешками.

Они не только вкусные, но и целебные. Георгий Васильевич

Крылов, профессор лесоведения и лесоводства, доктор

биологических наук, писал, что, если бы дети и взрослые съедали в день хотя бы по горсти кедровых орехов, никакие болезни, никакая усталость им была бы не страшна. Из кедровых орехов в Сибири делают молоко, сливки, масло. Уже в 18 веке в аптеках Швейцарии продавались кедровые орехи, из них делали кедровое молоко, которым успешно лечили чахотку. В книге «Русские простонародные травники», вышедшей в 1880 году, писали: «Масло кедровое коросту с тела сгонит, и различные язвы заживит, и вши от него убегают». А смолу кедровую издавна называют «живицей» за её способность заживать раны. Тобольский воевода в 1683 году «по государевой грамоте» давал задания одновременно со зверобоем собирать кедровую смолу для использования её «от ран, от убою и от укусов змей».

В старину сибиряки приравнивали десятину кедрового леса к корове, поэтому веками чистили и обихаживали примыкающие к посёлкам кедровые леса, и становились эти припоселковые леса продолжением огородов. И «огород» этот принадлежал не одному поколению, потому что кедровые живут много веков. В Сибири встречаются 500-летние и 600-летние деревья. Лесоводы считают, что самым старым деревьям до 850 лет.

Когда у сибиряка родился ребё-

нок, отец сажал возле дома кедр — так встречали нового члена семьи. Во многих местах эта традиция сохранилась до наших дней.

«Тёмные сибирские кедровые орешки стоят там и сям, точно бояре в дорогих зелёных шубах», — писал об этом дереве Д.Н. Мамин-Сибиряк.

О большой ценности кедрового орешка люди знали давно. Старались охранять его от невзгод и бережно к нему относиться. Ещё в 17 веке в знаменитом своде законов, которое называлось «Уложение», были записаны пункты об охране природы, позднее всё северное Зауралье, богатое соболями и кедром, было объявлено заповедным местом. В 1683 году был издан указ, запрещающий под страхом смерти жечь кедровую тайгу. Были и народные формы охраны кедров. Например, местное население само устанавливало сроки сбора и заготовки кедровых орехов, а человека, срубившего кедр, казнили как преступника. Об этой казни сообщали из селения в селение, чтобы ни у кого даже мысли не возникало о нанесении вреда кедровому лесу. Так складывалось с древних времён отношение людей к кедровому лесу.

Природа тоже по-особому относится к этому дереву. У кого ещё из лесных великанов есть собственный садовник? У кедрового орешка такой пернатый лесовод есть — это небольшая птичка кедровка. У неё острый и тонкий клюв и специальный подъязычный мешок, куда она собирает орешки. Наполнив свой мешок, она начинает посадку кедрового орешка: ловко проделывает клювом отверстие во мху и в почве и укладывает туда около 10 зёрнышек. Так летает она по лесу и прячет в ямки свои запасы. Не только кедровке, но и белке хватает этих запасов, но, главное, что найденные орешки прорастают потом кедровыми рошницами.

А знаете, что первая попытка искусственного разведения кедров была предпринята ещё в 16 веке, когда была заложена Толгская кедровая роща недалеко от Ярославля. Несколько лет назад я была в Толгском монастыре и любовалась монастырской кедровой рощицей.

У кедрового орешка ценнейшая древесина. С её удивительными свойствами русские люди познакомились очень давно. Археологические раскопки Древнего Новгорода показали, что новгородские мастера делали из кедровой древесины прял-

ки, вырезали замысловатые ковши, ложки, ушаты и прочие предметы домашнего обихода. В кедровом сундуке никогда не заводится моль, а в доме, построенном из кедра, всегда здоровый, целебный воздух. Рояли, арфы и гитары из кедра поют особенно чисто и звонко, потому что обладает кедр прекрасными резонансными свойствами.

Мне рассказали историю о том, как узнали о «музыкальных способностях» кедра. В дореволюционные годы из Сибири в Германию экспортировали сливочное масло. Немецкие торговцы поставили условие: экспортировать масло только в деревянных ящиках из кедра, дощечки этих ящиков должны быть строго определенной толщины. Позже выяснилось, что немцы аккуратно разбирали эти ящики и из кедровых дощечек делали музыкальные инструменты. Ещё из кедра делают самые лучшие карандаши.

Однако какой бы ценной не была кедровая древесина, живой кедр приносит человеку пользу в сотни раз большую, потому что образует он целый мир. Дерево это — хлебосольный хозяин для бурундука, белки, куницы, соболя, сойки. А сколько целебных трав, ягод и грибов живут под его раскидистой кроной! Как-то раз в лесу нас застал дождь. Под уютной кедровой кроной ни одна капля не достала нас. А как прохладно и радостно в жару под его душистыми целебными ветвями!

Раньше мне казался нелепым и смешным вопрос: «Какая у тебя любимая птица, какое дерево нравится больше других»? После знакомства с кедром я точно знаю, что это моё самое любимое дерево. Оно удивляет меня своей щедростью и гармонией,

рождает желание приносить столько же пользы людям.

Недавно я узнала, что позывным Юрия Гагарина, нашего первого космонавта, были слова: «Я — «Кедр». Двадцать пять лет назад на его родине была посажена памятная кедровая аллея. Посадили кедровую аллею и в Звёздном городке.

В последние годы все больше кедров появляется и в средней полосе России. Прекрасную кедровую рощицу видела я на одной из дач под Малоарославцем. Кедр не спутаешь ни с каким другим деревом. Уже в юном возрасте у него какая-то особая стать: серо-серебристый ствол и иголки нежные, как шёлк.

Если вы встретитесь с кедром, полюбуйтесь его ярко-красными соцветиями, или молодыми нежно-фиолетовыми шишками, а может быть, вам посчастливится пойти со старшими на сбор шишек — кедрового урожая. Я твёрдо уверена, что любая из этих встреч наполнит ваше сердце радостью от соприкосновения с милостью Божией.

Галина Крупина

АВГУСТОВСКАЯ ЭЛЕТЯ

Как ночь таинственно светла!
Как тишиной душа живится!
И словно Ангелов крыла,
Луна скользит и серебрится.
И кажется, что сонмы звёзд
В ладони стряхивает небо,
И этот осиянный мост,
Быть может, мне насущней хлеба.
Я в звёздах чутко узнаю
Вселенной запахи и звуки,
И прикасаюсь к Бытию,
И в Вечность погружаю руки.
Кто в этот миг нежней меня?
Евангельский завет старинный:
Сейчас я - мудрая змея
И голубь, кроткий и невинный.
Бездонность ночи не понять
Умом и не проплакать скрипкой,
Хочу столетья простоять
Я в очарованности зыбкой.
Иль тем, кого земной огонь
Страстей заставил покориться,
Звездой спуститься на ладонь
И бесконечно длиться, длиться.

Анна Бахаева